

Из прежних лет

Северянка

Памяти поэта В.К. Семакина

Вот и опять зима на полгода –
От ледостава до ледохода.
Топятся печи с утра в каждой избе.
Если дорога – значит, ледянка,
И улыбается мне северянка –
Так же она улыбалась когда-то тебе.

Зимнее время, снежные будни
Волосы выбелят, память остудят,
Только полвека она всё приходит сюда.
Где-то на дальнем, глухом полустанке
Я засмотрюсь в глаза северянке,
Не замечая, как мимо проходят года.

Так ли уж важно: Кез или Глазов –
Всё оживёт в памяти разом:
Юность бездомная, голод, нечаянный кров.
Новое время, новые люди,
Может, и нас потом не осудят.
Что же грустишь ты полвека в краю родников?!

Беспризорная русская речь
На просторах страны затерялась.
Остаётся поэтам лишь малость –
Хоть частицу её уберечь.

Будет снежною крупкою сечь,
Опрокидывать ветром в потёмки.
Кто бы знал, что в родимой сторонке
Так причудлива русская речь!

И премудрости книжной учён,
Я под крышей случайного крова
Вдруг ловлю стариковское слово,
Понимая, что сам ни при чём.

Не при чём, ибо верил другим,
Тем, кто в радио-, телеэфире
Рассуждал о России и мире,
Но не видел такой вот пурги,

Не сидел на завалинках изб,
Не крутил самокруток в беседе —
По России на велосипеде
Проезжал, как обычный турист.

Словно грозный, неведомый лик,
Будто церковь в житейском болотце
Или звёзды дневные в колодце —
Зачарует вдруг русский язык.

Станет ясно, тоскуем по ком —
Колобродим, беснуемся, любим,
Чтобы сжатые дрогнули губы —
Значит, вечно отныне живём.

Permia

Николаю Мрыхину

По-удмуртски деревня — гурт,
По-пермяцки деревня — горт.
Здесь и реки одни бегут,
И границею — не забор.

Сылва с Сивой затеют спор,
Только Кама помирят всех.
И ведут века разговор
На крутых берегах рек тех.

Тракт Сибирский в берёзах весь —
От Дебёс дорога одна.
Что ни город здесь, что ни весь —
Словно в капле страна видна.

А страна моя велика,

Да поди-ка её измерь!
Летописцы в былых веках
Называли Великой Пермь.

Прежней Чердыни не сыскать,
И, наверное, неспроста —
До Казани сто дней скакать
И до Хлынова год плутать.

Можно жителей той страны
Лишь беспамятством напугать.
Здесь предания старины —
Всё равно, что лесная гать.

Одному на всю жизнь Кунгур,
А другому — лесной простор.
По-удмуртски деревня — гурт,
По-пермяцки деревня — горт.

Ты у Вишеры расспроси,
Белой Каме, прошу, поверь —
Испокон веков на Руси
Называли Великой Пермь.

Осень Иднакара

Хочешь — слёзы лей, хочешь — песни пой,
Да не отводи только взгляда.
Здесь, в осенней мгле, над рекой Чепцой
Расцвела пора листопада.

Перелётных птиц голоса слышны:
Гуси — лебеди, до свиданья!
Знать, вот-вот придёт время тишины,
На века наступит молчанье.

Станет грустно вдруг, ты примерь наряд,
Серебром тряхни, как судьбою.
То ли сердца стук, то ли пережат,
То ли птичий крик над рекою.

Нам на завтра ждать дорогих гостей,
Угощать хмельной медовухой.

И потом одним не собрать костей,
А другим земля будет пухом.

Степняка стрела или русский меч
Пропоют мотив величальный.
Распахнёт крыла то ли птица — смерть,
То ли птица — жизнь опечалит?

Не лететь на юг и не вить им гнёзд,
Хлебных крошек — и тех не надо.
Вот зажглись в воде отраженья звёзд,
Над Чепцой пора звездопада.

Северо-западный ветер

Хочешь – мечтай о лете,
Хочешь – о нем забудь.
Северо-западный ветер
Нам не даёт уснуть.

Гонит и гонит тучи,
Сыплет снежной крупой.
Я, как всегда, везучий –
Полею иду домой.

Дом мой совсем не светел,
Снегу вокруг по грудь.
Северо-западный ветер.
Переметает путь.

В поле фигур навертит –
Что там лесная жуть!
Северо-западный ветер
Нам не даёт уснуть.

Адрес пишу на конверте –
Кто у нас главный там,
В гидрометеоцентре,
По февральским ветрам?

Скорость его измерьте,
Чтобы вспять повернуть...

Северо-западный ветер
Нам не дает уснуть.

В старой Чердыни

В старой Чердыни восемь храмов,
В старой Чердыни семь холмов —
Старый справочник, как ни странно,
Рассказать о былом готов:

Что здесь было и как здесь жили,
Прежних жителей — ни души.
Жили-были, а после сплыли,
И со временем изошли.

Оживает в ненастье память,
Перед этим, как было встарь —
Над вершиной Полюда-камня
Нависает седая хмарь.

В старой Чердыни всё иначе,
Чем описано век назад.
Только небо всё так же плачет,
Только лики в глаза глядят.

А когда опускается темень
В этом маленьком городке,
Оживает былое время,
Дышит в каждом особняке.

В старой Чердыни восемь храмов,
В старой Чердыни семь холмов —
Перечитываю упрямо
И поверить почти готов.

Пленэр в усадьбе Сведомских

Извечно таинство пленэра,
Когда художник слит с природой,
Когда ни школа, ни манера
Уже не делают погоды.

Здесь дом, похожий на корабль,
Два века место обжитое.
И в тридцати верстах Сарапуль,
Притихший где-то за рекою.

Мелькнёт паром “летучей мышью”,
На переправе нет народу.
Ну, а хозяин просто вышел —
В саду рисует непогоду.

Он был бы рад под крышу дома,
Да в нём другие постояльцы.
И раздаётся смех с балкона —
Того гляди, покажут пальцем.

Уже расставили посуду,
И водка пьётся под огурчик.
Последний луч скользнёт по пруду
И отразится в медных ручках.

Когда же подступает темень
И тень отбрасывают окна,
Хозяин, сидя в кресле, дремлет,
И на этюдах краски сохнут.

А поутру опять по кругу,
И к чёрту деньги, к чёрту слава!
На что ему теперь подругу
И орден, скажем, Станислава!

Того гляди, в родном народе
Такая грянет непогода!..
Когда художники уходят,
Они сливаются с природой.

Осень в усадьбе Сведомских

День прошёл — и слава Богу!
В барском доме печи топят,
Но пора уже в дорогу,
Как подсказывает опыт.

Не читай путеводитель,
Собирай баул, художник!
Ждут тебя и Рим, и Питер –
Возвращайся, если сможешь!

Где найдёшь успокоенье –
На чужбине или дома?
Здесь прислуга — загляденье,
И округа вся знакома.

Здесь родимые просторы –
Всё без края и без меры.
Там и горы, и синьоры –
Сплошь Милосские Венеры.

Изучив весь мир подробно,
Все исследовав столицы,
Заскучаешь ты в Европах
Вдруг по ключевой водице.

Всё-то мнилось, всё казалось,
Что прекрасное далёко.
Вот и стала жизнь вокзалом,
Где в толпе так одиноко.

После стольких лет исканий
И Венеции с Парижем
Город вспомнится на Каме,
Где песок волною лижет.

Ты душевную усталость
Лечишь в Генуе и Ницце,
Зная, что осталась малость
И — успеть бы возвратиться.

Фотосалон «Люкс»

Перед музейной витриной дивлюсь
На фотографию в раме.
Фотосалон под названием “Люкс”
Помнят не все горожане.

И улыбаются мне господа,
Дети и мастеровые —
Кто эти люди, девались куда,
Где их дома вековые?

Эти сюртук и кафтан наградной,
Это шитьё золотое
Время смахнуло враждебной рукой,
Будто всё дело в покрое.

Будто закройщик во всём виноват
Или утюжили мало —
Переменились душа и наряд,
И человека не стало.

Дети смеялись и сто лет назад,
Ждали обещанной птички,
Только внезапно привычный уклад
Вспыхнул, как будто от спички.

Однообразна в одежде война,
И вот тогда за подкладом
Самое ценное прячет страна,
Вдруг припадая к прикладам.

Всё перемелется, будет мука,
И жернова крутят ветры.
Снова портные творят, а пока
Мы обращаемся к ретро.

Да не изменит нам собственный вкус! —
Жаль никогда не приду я
В фотосалон под названием “Люкс”,
Где старый мастер колдует.

Тройка по географии

Дневнику гимназистки без малого век,
В нём сплошные то “яти”, то “еры”.
С той поры утекло столько лет, столько рек,
Устарели письмо и примеры.

До сих пор не забыть нам тринадцатый год –
Всё теперь познаётся в сравнение.
У неё сплошь “четыре” и “пять”, только вот
За Балканы лишь “три” к сожаленью.

У единственной тройки на целый дневник
Вид случайный, нелепый, понурый,
Но куётся в Германии крупповский штык,
И в России твердят: пуля — дура!

Математика — “пять”, и Закон Божий — “пять”,
И берёт ноты в пении чисто.
Этой девочке судьбы Европы решать,
Но она влюблена в гимназиста.

У мальчишек, известно, о славе мечта,
Всё-то видят себя при погонах...
Как начнут по Руси бабы выть — причитать,
Мужиков провожая в вагонах!

В галицийской земле гимназисту лежать —
Вышло время, пропущены сроки.
И всю жизнь ей теперь предстоит вспоминать
Географии злые уроки

XXX

С.Н. Селивановскому

Мальчик, снимающий город:
Улицы, парки, людей —
Шарфиком кутает горло
Он на ветру площадей.
Город — сплошной частный сектор,
В камне лишь центр да завод...
Чувствуя важность объекта,
Он объектив отведёт.

Щёлк — парходик отчалил,
Щёлк — это мы на ходу
В радости или печали
В сорок девятом году.

Мальчик, снимающий город,
Не для истории — так,
Снимков хранящихся ворох,
Где каждый дом и барак.
Вот пароход “Красный сплавщик”,
Красный полощется флаг...
Время идёт, только мальчик
Не постареет никак.

Щёлк — пароходик отчалил,
Щёлк — это мы на ходу
В радости или печали
В шестидесятом году.

Нет бы нам остановиться,
В город всмотреться свой, но
Мы всё листаем страницы,
Крутим немое кино.
Вечен маршрут и беспечен:
Город, завод или дом...
Что же мне плакать нечем,
Если листаю альбом?

Щёлк — пароходик отчалил,
Щёлк — это мы на бегу
В радости или печали —
Вспомнить никак не могу.

Примета

Что бы судьбой было не предназначено,
Не обмануть нам весну.
Перед войной рождаются мальчики —
Мало рожают в войну.

Крыши утыканы радиомачтами
И, будоража эфир,
Диктор вещает привычно и вкрадчиво,
Что полыхает весь мир.

Тучи в Испании, тучи в Италии,
В пламени Дальний Восток,
Только податливы девичьи талии,
Плечи скрывает платок.

Как хорошо было с девочкой робкою
В парке гулять над прудом,
Но только мальчики грезят Европою,
Рвутся на битву со злом.

Что же в подушку вы, девочки, плачете?—
Душу сомнения жгут.
Ваши любимые славные мальчики
Скоро навеки уйдут.

Вот и гадай теперь, что б это значило,
Что ожидает страну:
Перед войной рождаются мальчики —
Мало рожают в войну.

Воспоминания о 80-х

Михаилу Черемных

Пили алиготе,
Пили мы ркацители...
Помню я зимы те,
Помню я те метели.

Было нам двадцать лет —
Смяты с утра постели.
Что у нас на обед? —
Кажется, ркацители.

Только уже давно
Кровь не бурлила в жилах,
Лёгкое то вино
Головы не кружило.

Время текло меж тем,
Путая жизни цели...
Пили алиготе,
Пили мы ркацители.

Память не вороши —
Много мы прошагали.
Так далеко зашли,
Что возвратимся едва ли.

Было нам двадцать лет,
Тридцать и даже сорок.
Что у нас на обед? —
Кажется, разговоры.

Где той эпохи след? —
Время бедою лечит.
Только из давних лет
Всё проступают резче

Снежные зимы те,
Синие те метели...
Пили алиготе,
Пили мы ркацители.

Купалка на Воложке

В старой купалке шаткие доски,
И что ни шаг — нужна осторожность.
Здесь рыболовы смолят папироски,
Думая, что повезёт им, быть может.

Я бы и сам скоротал с ними время,
За поплавком наблюдая сторожку,
Но теплоход прогудел в отдаленье
Где-то у пристани — долго тревожно.

Ветер осенний смазал всю краску:
Сумерки ранние, очередь к трапу...
Дачников скарб да мешки под завязку —
Мокли, когда мелкий дождик закрапал.

Я — то считал, что прощаемся с летом,
Вышло с эпохой целой прощанье.
Выпало нам два счастливых билета,
Но изменилось с тех пор расписание.

Лето ушло и да здравствует Лета! —
Надо ж, куда завернул теплоход наш.
Вот бы ещё позабыть мне всё это,
Только часы бьют как будто наотмашь.

Я вспоминаю ту осень без злости,
Время клинок свой упрятало в ножны...
В старой купалке ржавые гвозди,
И что ни шаг — нужна осторожность.

Памяти Лёши Краснопёрова

На косматой лошадке
Едет прочь Дед Мороз.
Вот и кончились Святки —
Навсегда и всерьёз.

Смотрит прямо и строго
На тебя небосвод,
И уже не потрогать
Книг своих переплёт.

Вроде начали только,
Осмотрелись, пошли,
Но заела иголка
На пластинке души.

И сквозь скрежет и хохот
Повторяет не в такт:
Без тебя, Лёха, плохо,
Без тебя, мол, никак.

Город в снежном убранстве
Середины зимы.
Дело прошлое, братцы,
Но гуляли и мы.

Только безукоризнен
Замыкается круг —
С кем в любезной Отчизне
Загулять теперь, друг?

На косматой лошадке
Едет прочь Дед Мороз.
Были проводы кратки —
Без объятий и слёз.

Смотрит прямо и строго

На тебя небосвод,
И уже не потрогать
Книг своих переплёт.

Возвращение

Через день – Иркутск,
Через час – Чита,
Пусть никто не ждёт на перроне.
Чай казённый пуст,
И не почитать,
Потому что темно в вагоне.

В Забайкалье метель,
В Забайкалье пурга –
Нынче рано зима нагрязнула.
Но свежа постель,
Что твои снега,
Будто жить начинаешь заново.

Через день – Иркутск,
А с утра – зима.
Слева – Шилка, а справа – горы.
То подъём, то спуск
И тоннелей тьма,
Да попутчиков разговоры.

За вагонным стеклом
Всё бело да бело,
Люди в валенках ходят и шапках.
Снегу нанесло,
Ветром замело
Нашу память, как эти распадки.

Через день – Иркутск,
Через час – Чита.
Пусть былое было не с нами,
Горек чая вкус,
И не сосчитать,
Скольких здесь занесло снегами.

В Забайкалье метель,
В Забайкалье пурга –

Нынче рано зима нагринула.
Но свежа постель,
Что твои снега,
Будто жить начинаешь заново.

XXX

У нашей ёлки золотые шишки,
Серебряная скорлупа орехов.
И думают окрестные мальчишки:
К нам Дед Мороз из Устюга приехал.

Вошёл в ворота, посохом ударил,
Оставил на снегу метельный росчерк.
И отозвались струны на гитаре,
И прозвенел на ёлке колокольчик.

Когда бы верить в чудеса как раньше,
Мы б целый год не закрывали двери
И шторы не задёргивали наши –
Когда бы в чудеса как раньше верить.

Меж временами зыбкая граница,
Но в прошлое вернуться невозможно.
Пусть Новый год перевернул страницу,
Нам новый календарь купить несложно.

Раскладывай из месяцев пасьянсы,
Покуда не смолкает колокольчик –
На Рождество мороз и небо ясно,
И будет Воскресенье, это точно.

Родительская суббота

Тёте Наташе

Затерялась дальняя родня
Веточкой на родословном древе,
С нами не прожившая ни дня,
Мною узнаваемая еле.

И сходясь у родственных могил,

На своё беспаятство не ропщем.
Выясняем, кто кому кем был
В день поминовения усопших.

Сидя у семейного огня,
Думаю, кто завтра обогреет.
Затерялась дальняя родня
Веткою на родословном древе.

Кровь родная всё же – не кисель,
Слышу голос в праздники и будни:
«Мы с тобой в родстве с Россией всей,
Было так и дальше так же будет!»

Улица Свободы

С. С. Дерендяеву

Мы на улице Свободы
Проживали наши годы –
Там, где разные народы
Поселили в общий дом,
Где Отчизна всем знакома
От двора до гастронома,
И ларёк манил нескромно
Разговорным языком.

Мы на улице Свободы
Вдоволь видели природы.
Всё Победой жили гордо,
Хоть прошло немало лет.
Где вы, пленные мадьяры,
Что дрова пилили рьяно?
Всё-то нам казалось – рано,
Да эпохи сгинул след.

От «Улыбки» или «Старки»
Поцелуи стали жарки.
А ещё там были марки,
Что дарил сосед-моряк.
И за то спасибо Шуре,

Сверхсекретнейшей натуре –
Вы бывали в Сингапуре? –
Ну, а Шура – только так!

Где та улица Свободы,
Детства голубые своды?
Ресторан под боком – «Отдых»,
Ещё нет кафе «Пингвин»...
Даже если с переплатой
Не купить билет обратный,
И – свободный, бородатый –
Я стою совсем один.

Маруся постовая

Посвящается Анатолию Демьянову

Выкинет коленца
Наша злая память,
Но о пленных немцах
Хочется сказать мне.

Строить им досталось
Лестницу над прудом.
Лишь поплачут малость
Эльзы да Гертруды.

Баба с пистолетом
Охраняла фрицев.
Над Россией лето
И хочется умыться.

Сорваны погоны,
Запропали ранцы,
И стирать кальсоны –
Нечего стесняться.

Белокурых бестий
Детские улыбки,
Да у речки Леты
Бережочек зыбкий.

Сохранилась малость
В памяти под спудом:

Всё, что нам осталось –
Лестница над прудом.

Как всё это было,
Помнила Маруся.
Где её могила,
Господи Иисусе?!.

Вот галдят без толку,
Словно птичья стая.
У Маруси сбоку
Кобура пустая.

Не служила в СМЕРШе,
Лагерь не знала,
Милиционершей
Постовой стояла.

Не смотрела гордо
И, боясь закона,
Свой наган потёртый
Оставляла дома.

То смешно, то грустно
У Сенного рынка,
Где шпана Марусе
В бок воткнула финку.

Это всё случится,
А пока – живая,
Охраняет фрицев
Баба постовая.

Е. К.

Были бабушки красивые,
Были дедушки мудры.
Но в весенние разливы
Годы утекли в пруды.

Как не подставляй ладошку,
Не задержится и дня —
Детство кошкою в окошко

Ускользнуло от меня.

Но пока ещё не страшно,
Если старшие с тобой.
Не гадайте по ромашкам
На разлуку, Боже мой!

Ах, разлука, ты — наука
Расставаний и потерь.
В доме бабушки ни звука,
Да и дома нет теперь!

Мы в начале наших судеб,
Не оглядываясь, шли:
Что-то станет, что-то будет
У беспмятной души?

Позовут родные ивы,
Отраженные в воде...
Были бабушки красивы —
Только где всё это, где?

Махорочка

*«...Дым Отечества нам сладок
и приятен».
А. Грибоедов*

Махорочка, махорка —
Отчаянный табак.
И сладостно, и горько
Пропах тобой барак.

Когда в тайге мы жили,
Забывши про «Казбек»,
То все тебя курили —
И конвоир, и зек.

Я, как в былые годы,
Отвык от сигарет.
Вдыхаю дым свободы —
Махорочный букет.

Россия дышит тяжело,

Отчизны горек дым-
Последняя затяжка
И мертвым, и живым.

Саше Кудрику

Открывай свою Америку,
Что под боком, рядом с нами.
Человек подобно дереву
Прорастает вглубь корнями

Мама, папа, деды, бабушки —
Всё родные корешочки.
И летит земля оладушком
Одиноко среди ночи.

Вот и ладно, вот и ладушки,
Что покуда не забыты —
Мама, папа, деды, бабушки
Для души твоей открыты.

Держат корни на земле тебя,
К небу тянутся листочки.
И была бы не твоя судьба,
Оборви хоть корешочек.

А истории не кончится,
Не прервётся среди ночи —
Есть Отечество и отчество
И у нас с тобой, дружочек!

Алексей Николаевич

Памяти оружейника А. Н. Вознесенского

Жил да был Алексей Николаевич,
Дом второй от пруда.
Мы с дружкой у него гостевали и
Беседовали иногда.

Переулок Широкий – не Узенький,
Где-то возле небес.
Он не жаловал громкую музыку,
По душе был Бернес.

Хорошо как в домашних нам тапочках,
Пышет печка теплом.
А в комодке крестильные карточки
Ещё с древних царских времён.

Но хозяину, знать, мы потрафили –
Всё богатство на стол!
И глядим мы с дружкой фотографии,
Лет которым под сто.

Но пока над эпохой мы охали,
Что-то в мире ушло.
Алексей Николаевич, плохо ли,
Коль сидим втроём хорошо?!

Не растут на берёзах здесь финики,
А завод – навсегда.
Алексей Николаевич, миленький,
Да куда ж вы, куда?!

Ах, как слушалось нам с другом в доме том,
Ах, как жилось легко!
Только жаль, всё потом вдруг пошло на слом,
Как в сражении полегло.

И выходит, как будто здесь не жили,
Переулок чужой.
Алексей Николаевич, где же вы? –
Говорю сам с собой.

XXX

Умирают старухи тихо,
Умирают старухи кротко,
Будто помня бывшее лихо,
Что хлебнули ещё в молодках.

Год рождения память стёрла —
Не ровесников, чай, хороним!
От другого сжимает горло,
И в висках стучит метрономом.

Будто где-то в небесных пальцах
Нити кончились и надежды,
Не хватает уже и пальцев
Помянуть всех друзей ушедших.

Что ни дата — ушёл до срока,
Будто в пыль обронил монетку...
Умирают старухи кротко,
Умирают старухи редко.

Грахово. Правленский сад

Валерию Грахову

В этом селе терпко пахнет полынью,
И над рекой полуденный свет.
Прошлого след не отыщется ныне
Там, где тропой ходил много лет.

В старом саду не играет оркестр,
На пяточке не толпится народ.
С прошлым в ладу здесь один только ветер —
Что он ещё нам с тобой донесёт?

Ветер напомним минувшего даты,
Прошлого века людей имена.
И отзовется вдруг эхом стократным
Милая сердцу моя сторона.

Слышишь оркестра мотив деревенский -
Что он играет из прожитых лет?
Помнит о многом сад наш Правленский,
Пусть волостного правления нет.

Многого нет, многих нет нынче с нами,
Время уходит водой из прудов.
Помнишь, сюда приходили с друзьями? —
Сколько с тех пор миновало годов!..

В старом саду не играет оркестр,
На пяточке не толпится народ.
С прошлым в ладу здесь один только ветер –
Что он ещё нам с тобой донесёт?

XXX

Маргарите Зиминной и Зое Шамаевой

Речка Адамка да речка Январка,
Зимами холодно, летом - не жарко...
Всё же кому-то родные места.
И рыболовы сидят у моста,
Где за века не меняются дали,
Время песочком на дно оседает
Или с ладоней архивной трухой
Смыто вот этой текучей водой.

Речка Январка да речка Адамка,
Только на фото осталась панамка,
А то, что было со мной и тобой,
Вдруг обернулось нездешней судьбой.
И пусть от Бога любая дорога,
Не отыскать нам родного порога.
Что же увидишь сквозь лет круговерть? –
Глядь, только речка знакома теперь.

Речка как речка, крутой бережочек –
Где-то тебя вспоминает дружочек.
Лист на воде, первый лёд ноября –
Где-то подружка припомнит тебя.
Здесь за века не меняются дали,
А вот людей мы узнаем едва ли.
Только мерещится мне в простоте –
Лишь рыболовы всё те же, всё те...

Январь в деревне

Покуда спит котёнок у печи,
Не представляя, что такое лето,
Согреет всех большая печка эта,

И свет подарит лампочка в ночи.

Не обожгут морозы января,
Пока трещат дрова в домашней печке.
За январём дела пойдут полегче,
Надеюсь, мы надеемся не зря.

Тускнеет свет от ёлочных шаров
И выветрился запах мандаринов.
Для жизни надо после середины
Всего-то лишь одну охапку дров.

Ещё один мы перешли рубеж...
Любимая, не бойся снегопада –
От времени спасёт нас, если надо,
Последняя из всех надежд.

За январём полегче будет жить,
Тончает нить узоров белоснежных:
Прощанья чаще, ну а встречи реже,
Лишь только б не кончалась эта нить!

Покуда не нахмурились врачи,
Покуда ещё песенка не спета,
Не представляя, что такое лето,
Котёнок наш пригрелся у печи.

Воспоминание о зиме

Е. К.

Та зима была холодной,
И летели, Бога ради! —
Стаи снегирей голодных
На калину в палисаде.

За стеклом окошек наших
Вьюга хлопала в ладони.
И топил я печку дважды,
Чтоб тепло держалось в доме.

Мы с котом в окно глядели
На дорогу, на калину.

Брызги красные летели
Вниз на снежную холстину.

Стужа высунула жало,
Жалость людям горбит спины.
Если б ты не приезжала,
Было бы невыносимо.

Стихнет стужа, дым пожиже
Над трубой кольцом завьётся.
Назовётся это жизнью,
И любовью назовётся.

Петрушка

Растёт петрушка на окне –
Зимы лихой игрушка.
Благодаря моей жене,
Ход времени нарушен.

Растёт петрушка средь зимы –
Привет былого лета,
И рядом с нею даже мы
Его теплом согреты.

Поверить только не спеши,
Что всходы зреют дружно.
Ловушка это для души –
Такая вот петрушка!..

Тепла, попробуй-ка, найди,
Чтоб зеленеть неброско!..
И кот задумчиво глядит
С улыбкой философской.

Растёт петрушка, Боже мой,
Без страха и тревоги!
А нас-то ливнем, то пургой
Сбивало по дороге.

И я обычный человек –
Не инок и не стоик,
Но принимал любой ночлег
За Божий подоконник.

Как мало нужно всё же нам -
Ни слава, ни кормушка!
Всего делов-то, чтоб жена,
Чтобы зимой – петрушка...

В кармане спичек коробок
Да медная полушка,
Но подождите, дайте срок
И будет вам петрушка!

Росток

Начинает капель разговор с утра,
И февраль вместе с ней истёк.
Нам с тобою уже доставать пора
Семена, что хранятся впрок.

Дайте срок, и росток вдруг взметнётся вверх
От окна, что глядит на юг.
Огород наш весенний – ну, просто смех:
Подоконник да пара рук.

Ты колдуешь над каждым его ростком,
Согревая дыханьем губ.
Спит земля и река дремлет подо льдом,
Над домами дымы из труб.

Ах, как хочется нам заглянуть вперёд,
Где плоды над землёй висят,
Но опасен весною непрочный лёд –
Нет дороги другой в наш сад.

Что от жизни ещё нам с тобою ждать
Под умеренной широтой?
Лишь метели зимой, летом – шум дождя
Да вот этот росток живой.

Ах, как тянется он за окно во двор,
Обнадёжен печным теплом,
От уюта штор на ветров простор
И когда-то покинет дом.

Перезимовали

Через день-другой
Стает снег едва ли,
Только мы с тобой
Перезимовали.

Ещё топим печь,
И вторые рамы,
Чтоб тепло сберечь,
Убирать нам рано.

Воспевай, поэт,
И любовь, и женщин —
Мы платить за свет
Начинаем меньше.

После зимних вьюг,
Когда дни так серы,
Вырос в небе вдруг
Одуванчик первый.

Привыкать легко
Ко всему, что лучше,
А под каблуком
Солнце стынет в луже.

Всё меняет вид,
Мы снимаем шубы,
Солнцу и любви
Подставляя губы.

Воспевай, поэт,
И любовь, и женщин.
Нам немало лет —
Остаётся меньше.

Не берём в расчёт
Зимних снежных будней,
Что-нибудь ещё
Всё же с нами будет.

Утро

Ну, вот и утро. Что нас ожидает? –
Стихи, парное молоко.
Туман, в овраг сползая, тает,
Котенок со шнурком играет,
И беды где-то далеко.

Как золотистый самолетик,
Пчела присядет на скамью, -
Я этого всего не против,
Так почему ж на грустной ноте
Слагаю песенку свою?

«Было утро без печали,
Не раздался ночью плач,
Только мы не замечали
Этих маленьких удач.

Пили чай с вареньем, с медом,
Толковали о былом...
То, что утро стоит года –
Это мы поймем потом».

Ну, вот и утро. Что нас ожидает?..

Ручей

Когда ручей звучал, как речь,
Я размышлял под хмурым небом:
«Пусть будет теплой ваша печь,
Пусть будет в доме вдоволь хлеба».

И проводив в который раз
Снега прощальными словами,
Весенний сад цветет для нас,
Маячит лето меж стволами.

И все обиды позабыв,
Избыв разлуку и ненастье,
Живем на краешке судьбы
В преддверье маленького счастья.

* * *

Павлу Роготневу

Всё, что осталось от этой деревни, –
Мой покосившийся старенький дом.
Ни электричества, ни вдохновенья,
Поздняя осень стоит за окном.

Свет керосиновой лампы надёжен,
Кот приبلудившийся спит у печи.
И выползает из ватных одежек
Месяц такой, что хоть криком кричи.

Ищут медведи глухие берлоги,
Лоси испуганно жмутся к стогам.
Кто это едет по тёмной дороге? –
Ах, неужели и нынче не к нам?!

Только всё ближе колёсное пенье,
Скрипнут ворота, и въедут во двор,
И от бессонниц осенних спасенье –
Дружеский поздний мужской разговор.

Пейзаж

О. Р.

Это дерево – я, это дерево – ты,
Нам пока не знакома боязнь высоты,
И мы тянемся вверх над зеленым холмом
И спасаем друг друга теплом.

Это дерево – ты, это дерево – я,
А вот это – другие, но тоже друзья.
И за тысячу верст, у другого холма
Ощущаю тепло без письма.

Кто же нас разбросал так причудливо здесь? –
Будто свыше услышал тревожную весть.
Неподвижна листва, неподвижна вода,
Будто, вправду, с тобою беда.

Это дерево – я...

Шиповник

У реки, где шиповник в цветах,
Где купают коней пацаны,
Посреди необъятной страны
Не знакомы ни горе, ни страх.

Здесь спокойно подумаешь ты,
Что когда-то, возможно, умрешь,
Но поскольку здесь нет слова «ложь»,
То спокойно глядишь на цветы.

Не печально от той красоты,
Не коснется тревога строки...
Как мне хочется быть у реки,
Где уже распустились цветы.

Мни в ладонях хоть эти, хоть те
Или рыбу лови в омутах...
У реки, где шиповник в цветах –
Всё не те, всё не я, между тем.

Гроза

Алексею Красноперову

Целый день собиралась гроза,
Облака нагонял сильный ветер.
Да и проза не шла – то слеза,
То соринка в глаза, то скрип петель.

Чашка чаю – вот весь мой уют,
И впотьмах провожу этот вечер.
В небесах то молчат, то поют,
То ведут бесшабашные речи.

По небесному тракту старик
Гонит, гонит лихую повозку.
Не сорваться бы только на крик,
А сказать что-то важное просто.

Целый день собиралась гроза,
Облака нагонял сильный ветер.

И уже говорят за глаза,
Что напрасно живу я на свете.

Целый день собиралась гроза...

Жилище

Здесь паутина по углам,
Завален стол бумагами.
Здесь тараканы по щелям –
Голодными варягами.

Из крана капает вода
В неизвестность, в бесполезность.
Здесь прописалась навсегда
Российская словесность.

Здесь сигарета, как вулкан,
Дымит в консервной банке.
Здесь у гитары тонок стан,
Ну, как у персиянки.

Здесь беспределен разговор,
И чифирить в привычку.
Здесь время – торопливый вор –
Примерило отмычку.

Уже заварен круто чай,
Отброшена газета.
Здесь пристань, временный причал
Реки с названьем Лета.

Восемнадцатый век

О.Р.

Тихо падает снег,
Восемнадцатый век...
А число – число я не помню.
Было столько хлопот,
Позабыл даже год,
Заслонившись от века ладонью.

Снег летит на камзол,
Дополняя узор,
Снег покрыл треуголку солдата.
В восемнадцатый век
Я задумал побег –
Имена вспоминаю и даты.

Этот старый журнал
Я когда-то листал.
Кем я был – сочинителем праздным?
Землепашцем в селе,
Или навеселе
Торопился гулякой на праздник?

Восемнадцатый век
Свой закончил разбег –
Миновали и войны, и смуты.
Но надеемся мы
До последней зимы,
До последней минуты...

Тихо падает снег,
Восемнадцатый век,
Я стою у картины в музее.
Вот знакомый портрет
(Сколько ж вам теперь лет?),
Вот на плаху увозят злодея.

Снег летит на камзол,
Дополняя узор,
Снег покрыл треуголку солдата.
В восемнадцатый век
Я задумал побег –
Имена вспоминаю и даты.

Предание

Маме

Собирает слезы Богородица,
По ночам заходит в каждый дом.

В три часа проснемся мы, как водится,
Ты поплачь немного, и уснем.

Пусть нам всем приснятся сны чудесные,
Возвращенье дорогих людей,
Белый хлеб, и небо, и окрестные
Церковки, и лица матерей.

Эта ночь для нас уже не страшная,
Если Богородица была...
Вот она ушла из дома нашего,
Вот она в соседний дом вошла.

И идет по миру Богородица,
Собирая слезы и печаль...
В три часа проснемся мы, как водится,
Будто бы, и вправду, невзначай.

Семейная фотография

Вот это улица моя,
Вся деревянная, заречная.
Смеется женщина беспечная-
Вот это мама. Это - я...

Шестидесятые... Весна.
Семья позирует для фото
На фоне простыни, к воротам
Которая прикреплена.

По моде тех веселых лет
У брюк отогнуты манжеты,
Обуты ноги в сандалеты...
И вот – готов фотопортрет.

Пригладит время нам вихры,
Изменит адрес и прописку,
Закинет далеко иль близко
Из той обманчивой поры.

Мы заморожено глядим

Со снимка прямо в бесконечность...
Бреду по улице заречной,
Не нужен никому, один.

Письмо

Маргарите Зиминной

Всё живём делами прошлыми
И решаем: или-или...
Вот и стали дети взрослыми,
А мы такие же, как были.

Вся душа на строчки роздана –
Не беда, что где-то косо.
То письмо напрасно послано,
Да жалеть об этом поздно.

За окном капелью годики
Успокаивают нервы,
На стене с кукушкой ходики
Час показывают первый.

Память из вопросов соткана,
И ответов что-то мало.
То письмо напрасно послано,
Да и писано, пожалуй.

Ночь которую не спится мне –
Время слушает укоры
И серебряными спицами
Всё творит свои узоры.

Дни на ниточку нанизаны,
Ну, а нас — всего лишь двое.
То письмо напрасно писано,
Да жалеть о том не стоит.

Вечер в Одессе

Что делать в Одессе единственным вечером,
Нечаянно выпавшим вдруг?
Играет гармошка на площади Греческой,
И люди толпятся вокруг.

Шагни же в проход к Дерибасовской улице,
До Польского спуска пройди,
Где в синие сумерки пары целуются,
А ты в этот вечер один.

От красок приморских на сердце проталина,
Как будто бы не было зим,
Но где-то на севере в городе маленьком
Над трубами тянется дым.

Неспешно постой у Потёмкинской лестницы,
Пей воздух как будто вино.
Но где-то любимая женщина крестится,
Глядит на дорогу в окно.

Мелькнёт теплоход огоньком, да и скроется,
Как лица мелькают порой.
Мы живы, покуда за нас кто-то молится,
И манит дорога домой.

Под северным небом легко вспоминаются
Бульвары и старый трамвай.
Одесса в цветах, как невеста-красавица –
Прощай, дорогая, прощай!

Памяти Юрия Коваля

Ты открываешь дверь
И куришь, не спеша.
Светло ль тебе теперь?
Легка ль твоя рука?
На Яузе-реке
Мазут да керосин,
А ты там, вдалеке,
Как на земле один.
А ты там вдалеке...

На облачке витом
Вольготно, хоть ложись.

Кто знал, что на потом
Не оставляют жизнь!
Еще к своим друзьям
Приходишь ты во сне,
А большего нельзя
Ни им и ни жене.
А большего нельзя...

Подхватит вдруг волна
И лодку унесет,
Да лодочник спяна,
И пассажир не тот.
Здесь ни весов, ни мер,
Строкою --- облака,
Течет куда-то вверх
Последняя река.
Течёт куда-то вверх...

Но позднюю порой,
Угадывая суть,
Неведомый герой
К тебе отыщет путь.
Ты открываешь дверь
И куришь, не спеша.
Светло ль тебе теперь?
Легка ль твоя душа?
Светло ль тебе теперь?..

Поэт

Как это всё на первый взгляд нелепо –
При этаккой-то каторге души
Жизнь провести в провинции, в глуши
Слагая вирши и сажая репу.

Он с Пушкиным на дружеской ноге
И с Гёте пропускает по рюмашке,
Пока жена перемывает чашки,
Не обнаружив шкалик в сапоге.

Он прячет в стол исписанный листок
От взгляда любопытного соседа,
Зашедшего его проведать
На пять минут, что значит – на часок.

По вечерам пьёт на веранде чай,

В обед – пирог с грибами иль капустой,
И обсудив историю изустно,
Нисколько не боится стукача.

Да что ему стоустая молва!
Давно знакомы войны и этапы;
Он убеждён, жизнь существует, дабы
Друг к другу подгонять слова.

И вдоволь посмеявшись над судьбой,
Над радио- и теленовостями,
Когда-нибудь он поутру не встанет
Далёко от московской кольцевой.

Уцелевший

*Памяти деда моей жены
Александра Александровича Попова*

Почти всю жизнь он ждал,
Когда за ним придут,
Припомнят те года,
С конвоем уведут.
Он жил не с кондачка –
Лоялен к власти, но
Служил у Колчака,
Пускай давным-давно.

Сосед в глаза глядит,
Сомнение берёт:
Далёко ль до беды! –
Уже который год
Пытается забыть
Хабаровск и Харбин.
И нет страшней судьбы,
Когда в душе один.

А город всё же рос –
И дети, и дома.
Ни страха нет, ни слёз,
Ни слуха, ни письма
От тех, кто рядом с ним

Тогда ушёл в поход.
А в памяти Харбин
Уже который год.

Все ляжем на погост,
Все отойдём во тьму,
Но есть один вопрос:
Какой погост кому?
Те минули года,
Не унеся беду.
Всю жизнь свою он ждал,
Когда за ним придут.

Капель

Как ты судьбу не крои,
В чёрной тайге ни просвета.
Капель, солдаты твои
Северным ветром отпеты.

Кана студёной водой
Окроплены и обмыты...
Что ни боец — то герой,
Да имена позабыты.

С волжских святых берегов,
С Камы, Ижа и Тобола
Было несчётно полков —
Все их война измолола.

Бредил всю ночь генерал
И вдруг затих на рассвете.
Он не увидит Байкал,
Даже восхода не встретит.

Гроб деревянный, простой
Грузят солдаты с молитвой.
Только смыкается строй,
И не окончена битва.

В ней победителей нет,
Всех нас Россия помянет.

А над Байкалом рассвет
Кровью, засохшей на ране.

XXX

Дед на чёрно-белой фотокарточке –
Загорелый, сильный, молодой.
Выжил на гражданской и достаточно –
Что ж ты, мама, плачешь, Бог с тобой!

Не кутьёй встречали поминальною,
Пусть худой и стриженный под ноль,
Улицей шагал он Коммунальною -
А была Базарною давно ль?

Шёл, не узнавал места знакомые
Улицы родной Береговой,
Что звалась уже Милиционной –
Всё же не Трора, Боже мой!

Заводская башня в дымке скроется,
Разойдутся с пруда рыбаки.
Тротуаром дед шагал по Троицкой,
Что давно Советской нарекли.

Всё переменялось в нашем городе,
И страшнее дульного зрачка
Ухмыльнётся вождь с портрета в бороду:
Будет вам ЧК за Колчака!

Будут вам и митинги, и пряники
Смерть и кровь, и новые враги...
Ну, а город затонул «Титаником» -
До сих пор расходятся круги.

На станции Тайга

В отцепленном вагоне на станции Тайга
Мы ждали пять часов читинский поезд.
На эту местность скоро лягут белые снега,
Глубокие — как раз тебе по пояс.

Соседка тяготилась жарой и духотой,
А на платформе ветер слишком резкий.
Нам чаю не хотелось с копчёной колбасой,
И свет вокзала бил сквозь занавески.
Здесь от прошлого накипь,
Как в титане вагонном.
Пепеляев да Капель
В генеральских погонах.
Тухачевский да Блюхер
Во главе красных войск.
Пушки ухают глухо —
Обойдётся, авось!

В отцепленном вагоне витали чьи-то сны
И запахи дорожных бутербродов.
О Сталине твердил всё нам ветеран войны —
Другой войны, не с собственным народом.
Как мало изменилась огромная страна,
Уроки мы усвоили едва ли.
Старинные вокзалы стоят вдоль полотна
Великой Транссибирской магистрали.

В отцепленном вагоне на станции Тайга
О чём не передумаешь в потёмках,
Когда тайгу накроет опять сплошная мгла,
И прошлое звучит в тебе негромко!
Читаю мемуары и вижу между строк —
Ни годы не сотрут, ни расстоянья —
Дивизии уходят всё дальше на восток:
Ижевцы, барнаульцы, иркутяне...

Здесь от прошлого накипь,
Как в титане вагонном.
Пепеляев да Капель
В генеральских погонах.
Тухачевский да Блюхер
Во главе красных войск.
Пушки ухают глухо —
Обойдётся, авось!

Поручик

Вот и бакены зажглись на Иртыше,
Скорый поезд по мосту прошелестел,

А поручику не помнятся уже
Ни та осень, ни жестокий артобстрел.

Он всё вычеркнул из памяти давно,
Ладит лодку на другие берега.
Только сердце дрогнет всё равно,
Как пойдёт по Иртышу шуга.

Был в дивизии стрелковой он сапёр,
Переправу наводил через Иртыш.
Пережил эвакуации позор,
А к своим пробраться — это, брат, шалишь!

Что ни станция — как в мышеловке сыр,
Вдоль Транссиба город мёртвых поездов.
И тогда поручик скинул свой мундир
И закрыл воспоминанья на засов.

За ненадобностью выкинул наган,
У вдовы нашёл хлеб с солью и ночлег.
А товарищей его взяла пурга,
И отпели по весне разливы рек.

Пролетела незаметно века треть,
Изменило время душу и страну —
Только фильмы не любил смотреть
Про ту самую гражданскую войну.

Тобольск

Город на горку взбежал
И не оставил следа.
На острие штык-ножа
У часового звезда.

Где-то блеснёт вдалеке
Сталью большая вода...
Можно уйти налегке —
Что ж не уйдёшь никуда?

Ночи короче уже,
Видно судьбы твоей дно.
И на втором этаже
Долго не гаснет окно.

Город на горке живёт,
Нижняя часть обмерла.
Здесь, что ни век, что ни год –
Будто домов номера.

Кремль не видать из-за крыш,
Дом губернаторский сник...
А ты полночи не спишь,
Пишешь, наверно, в дневник.

Ночи короче уже,
Видно судьбы твоей дно.
И на втором этаже
Долго не гаснет окно.

Девяносто первый

На рынке в Болшево
Играет гармонист.
Не надо большего –
Лишь пальцы вверх да вниз.

В помятой кепочке,
Что у его ноги,
Лишь горстка мелочи –
Не тронут и враги.

По рынку в Болшево
Слоняется народ.
Всего хорошего! –
Глядишь, и повезёт.

Бросают денежку,
Не замедляя ход,
А местный Лемешев
Поёт себе, поёт.

Пиджак поношенный,
Судьба не задалась.
На рынке в Болшево
Он выплачется всласть.

Ему стакан нальют –

Исполнит на заказ.
Пока он здесь, пока он тут,
Споёт для вас.

Прощёное воскресенье

За воскресеньем Прощёным
Следует время поста.
Словом вооруженный
Я запечатал уста.

Манит святая обитель,
Звон колокольный летит.
– Добрые люди, простите!
– Бог, – отвечают, – простит!

За воскресеньем Прощёным
Жизнь начинается вновь.
Да не обидятся жёны,
Что есть иная любовь!

Новую жизнь не проспите,
Пусть не поставят на вид.
– Добрые люди, простите!
– Бог, – отвечают, – простит!

За воскресеньем Прощёным
Стихнет людская гульба.
Нынче любой из крещённых
Молится не за себя.

Солнце сияет в зените,
Значит, не вспомним обид.
– Добрые люди, простите!
– Бог, – отвечают, – простит!